

СМЕНА

1

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТОРГОВЛЯ БЕЗ КАРТОЧЕК

Мы публикуем фотографию, каких много встречается в наши дни на страницах советской печати. Здесь показан кондитерский отдел гастронома № 2 на Смоленской площади в Москве. С 16 декабря в этом магазине, как и по всей стране, продают товары без карточек по значительно сниженным ценам.

Наша Родина получила прекрасный новогодний подарок. Проведена исторической значимости денежная реформа. Отменена карточная система снабжения населения. Развёрнутая советская торговля проводится ныне без карточек по единым ценам на основе оздоровления денежного обращения и укрепления советского рубля. Всё это значительно повышает реальную заработную плату трудящихся.

Этот великолепный новогодний подарок стране стал возможен благодаря мудрой и дальновидной политике коммунистической партии, её неустанной заботе о нуждах народа. Со всех концов страны несутся слова признательности и сердечной благодарности великому Сталину — творцу наших побед.

В факте отмены карточной системы отражаются неслучайные преимущества советского государственного и общественного строя, социалистической системы хозяйства. Прошло только два года после тяжелейшей из войн, какие только знало человечество. И тем не менее этот короткий срок оказался статочным для того, чтобы воспроизвести довоенный уровень нашей промышленности и снова открыть народу путь к счастливой, зажиточной жизни. Это возможно только в нашей социалистической стране, где народное хозяйство основано на мудром сталинском планировании. Товарные массы социалистического государства увеличились во много раз, что явилось базой для развёртывания широкой советской торговли, торговли без спекулянтов — больших и малых.

Теперь создан могучий дополнительный стимул для роста производительности труда, что, в свою очередь, несёт стране дальнейший рост богатства, обилие основных предметов потребления, как это предусмотрено пятилетним планом развития народного хозяйства СССР.

Советский Союз оказался единственной в мире страной, где после второй мировой войны отменены карточки, понижены цены, устранено снабжение населения. В капиталистических странах происходит, как известно, наоборот: усиливается нажим капитала на жизненный уровень трудящихся, почти повсеместно сокращается снабжение населения, растут цены на продукты.

И как ни беснуется мракобесы из империалистического лагера, как ни стараются они утопить правду о нашей стране в потоках лжи и клеветы, правда своё возьмёт!

Простые люди по всем мире сумеют разобраться в призраках лживой клеветы победы народов СССР. Они расценят эту победу, как закономерное явление могучего и несокрушимого советского строя, в котором хозяином своей судьбы является сам народ, руководимый великой партией Ленина — Сталина.

В кондитерском отделении гастронома № 2 на Смоленской площади (г. Москва).

Фото А. Устинова.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь, № 1 1948 год.

Год
издания
25-й

СЛОВО МОЛОДОСТИ

Посвяду, от заката до восхода,
По всей Отчизне, в этот светлый час,
Товарищ Сталин, славят Вас народы
И с Новым годом поздравляют Вас.
Товарищ Сталин! От цехов и папшен,
С высот труда, от сердца глубины
Вас поздравляют соколята наши;
Вас поздравляет молодость страны,
Приветствуя с сыновней любовью
Верховный гений Родины своей,
От сердца мы желаем Вам здоровья
И много лет, и много славных дней.

Товарищ Сталин! Вы на нас надеетесь.
Мы строим жизнь свою по Ильичу.
Мы все в труде — как и в бою —
И нам большое дело гвардейцы,
Мы выполняем то плечу.
Доверием отцовским дорожа,
Нам все подвластно — от труда до боя,
От чертежа до биты у рубежа.
Клянемся Вам быть верными сынами,
Достойными великих наших лет.
Нас осеняет аминские знамя,
Нам светит солнце сталинских побед!

Николай АЦЕВ

Наше время

Сорок восьмой — время счётом подходит к полустолетию. Из этого счёта нашему советскому времени принадлежит уже большая половина — солидный кусок времени, дающий себя знать не только отдельным существованием, но и целым народам, вытравивший сознание не только отдельных людей, но и целых стран.

Мы прочно обосновались во времени, мы доказали правоту и жизнеспособность наших стремлений, наших благородных задач, нашего нового, дружного, плодотворного советского строя.

Нигде и никогда во мгле столетий не наблюдалось такой видимой, такой наглядной борьбы света с тьмою в полном значении этих понятий. Мгла была действительно мглой, прозрачной изредка вспышками света.

Этими вспышками были попытки восстаний, революций, попытки человечества найти путь к освобождению от кабалы, угнетения, рабства. Но мгла была сильнее, его гасился свет. И века сменялись веками, память о благородных порывах оставалась в умах людей, но ложь, злоба, зависть и тупость, порождаемые старозавесным стремлением немногих захватить в свои руки богатства, принадлежащие всем, воспользоваться трудом миллионов для благополучия единиц, разобщая великие силы народов, раздробляя их общие интересы на отдельные попытки добиться своих прав, своей воли.

То были времена князей, королей, императоров, владетельных, королевичных и некоронных династий, владениями полны, лесами, реками и морями и расправлявшихся судьбами народов по своему произволу. Они владели сознанием людей, не знавших другого порядка на земле и лишь смутно догадывавшихся о возможности каких-то иных форм существования, представлявших возможность такого существования лишь в иной жизни, на небесах, а будучи, за пределами их земного бытия.

Всё это тщательно подкреплялось именно в этом виде теми, кто хотел сохранить свою власть на земле. Духовное отрывало имя от материального, мистика и религия были средством умиротворения мущинских народов. Царство небесное было мучением всем страждущим и обременённым трудами и нуждой.

Обряды и заповеди держали поверивших им в смиренности и покорности владыкам судьбы, якобы управлявшимся высшими силами. А «высшие силы» были всё те же, владевшие богатствами мира владычества судеб человечества, сумевшие сосредоточить в своих руках, скопить, нажить, нахвалить, награбить побольше материальных богатств.

И недаром в народе сложились поговорки и пословицы, вроде той, что: «От трудов праведных не наживёшь палат каменных» — или: «С сильным не борись, с богатым не судись». Да и самое-то слово «богатый» было в корне своём производимо от «бога». Богатые и были богами, управлявшими судьбами бедных, т. е. впавших в беду людей.

И вот настало наше время. Наше, взятое с бою, кованое сильными руками множества, согретое жаром миллионов сердец время, время полной видимости, полной убедительности проясняющего.

Не о нём ли мечталось Гоголем, когда он в своей «Страшной мести» грозил заморскому колдуну, морочившему человечество ложными чудесами, именно теми сроками, когда вдруг станет «видимо далеко во все концы света»?

Да, стало далеко видимо отсюда наше время. Во все концы света зримым стало оно, во все концы света стало видимо происходящее. И как ни пытались заморские колдуны набросить свою мотальную тень на шестую часть мира, свет пронзает тьму наскавоз и только речью и отвратительной обрисовкой их гробовые тени. Тени жёлозов и хищников, ханжей и убийц, клевропоступников и маньяков. Все эти тени, заступающие путь свету, набросить свою мотальную тень на шестую часть мира, свет пронзает тьму наскавоз и только речью и отвратительной обрисовкой их гробовые тени. Тени жёлозов и хищников, ханжей и убийц, клевропоступников и маньяков. Все эти тени, заступающие путь свету, набросить свою мотальную тень на шестую часть мира, свет пронзает тьму наскавоз и только речью и отвратительной обрисовкой их гробовые тени.

Их голоса, голоса ханжей и жёлозов, клевропоступников и убийц, хотят звучать шумно и доблестно, но вдруг срываются на злобный визг, на бешеный лай; их попытки острить и смеяться вдруг выдают искажённые свирелой, гримасой черты. Их показная доблестность — лишь маска, подлая, которую проступает их подлинная, подлая сущность.

Вспомните, как описывала и обличала их старая Диккенс почти сто лет тому назад. Описывала и обличала их существо, их сестство. На первых же страницах романа «Домби и сын», романа, в котором даётся характеристика всего мироздания «деловых людей», типических для буржуазии его времени, но продолжения традиций тех времён и сейчас:

«...И снова он повторил «Домби и сын» тою в точности как тоном, как и раньше.

В этих трёх словах выражалась одна единственная идея жизни мистера Домби. Земля была создана для Домби и сына, дабы они могли вести на ней торговые дела, а солнце и луна были созданы, чтобы давать им свет... Реки и моря были сотворены для плаванья их судов; раду-га сулила им хорошую погоду; ветер благоприятствовал или противился их предприятиям; звёзды и планеты двигались по своим орбитам, дабы сохранить нерушимую систему, в центре которой были они».

Разве эта горькая и исчерпывающая идея их времени характеристика утратила тогдашний в своей точности для сыновей мистера Домби, для их наследников и продолжателей? Разве его потомки не продолжают верить в нерушимости системы, в центре которой находятся лишь один они? Для них остановилось время, они живут прошлым и отстают от этого прошлого, вопреки движению планет. А Диккенс они не услышали и не поняли. Высокое его дарование, сильный его голос прошёл мимо их высокомерного понимания. Ибо Диккенс принадлежал всему человечеству, а не мистеру Домби и его сыновьям! От слов, произнесённых им, не откупались никакими деньгами, не оправдывались от его обвинения никакими доводами.

Собственничество — вот что извращает и уродует сознание людей. Собственничество, отдалённость от мира баррикадами несправедливо накопленного богатства за счёт труда других, за счёт доброты и счастья множества — вот тот яд, который отравляет человечество. И страшные фигуры искажённых в слепой злобе собственников, скрученных дикой ненавистью ко всему остальному миру, дрожащих за свой богатство, за власть его, встают вновь и вновь, продолжая галерею типов, высланных Диккенсом сто лет назад. Разве затну-

тый в холод и чванство мистер Домби не напоминает нам кого-то, встающего на пути человечества к демократии, к свободному выбору своей судьбы? Разве оскандалившись в чужой усадьбе, похожей на звериний оскаль, делая и вытравив мистер Каркер, разоряющий своего хозяина, не схож с нынешними деятелями зарубежных стран, продающими свой народ ради личных выгод и выгод их классов? И, наконец, злой толстак, болтун и самохвал майор Бестон, обоедало и ошивало, «слинял майор» с обвисшими брыльями щёк, не смахивает, даже портретно, на другого самохвала и болтуна, любящего произносить речи, мечущего громы и молнии против опасности коммунизма? Как фигуры, сохранившиеся в паноптикуме, как выцветшие манекены, повторяют они жесты осуждённого прошлого, сами про то забываю, уже навеки припечатанные к бессмертным страницам Диккенса! Перечитайте этот роман, перечитайте «Страшную месть» Гоголя — и вы увидите, как давно мы предсказали их судьбу, судьбу мистеров Домби и их сынов, судьбу заморских колдунов, пытающихся морочить человечество.

Наше время настало в мире.

Каждый новый год — тому свидетельство и воука. Каждый новый год — ступенька в нашего восхождения. Ни бури, ни беды не могут задержать движения времени. Величайшая из всех войн на земле не сбива нас с ног, не изменяла нашего пути, наоборот, она сильнее сплотила, объединила нас в наших стремлениях, в наших усилиях. Вдумайтесь в результаты выборов в местные Советы по городам, областям, республикам. Ведь это было поистине всенародное голосование за политику большевистской партии, за пятилетку в четыре года, за коммунизм.

Голоса всех наших республик несутся к Сталину, спеша сообщить ему, своему первому депутату, своему самому родному человеку, о выполнении народных обязательств. Советские люди берут на себя новые добровольные обязательства ещё больших достижений. И рубцы войны затихают свежей, здоровой кожей. И четвертая сталинская пятилетка вырастает всем народом, как богатейшее дитя, переживающее сроки своего роста. И светлые годы счастливых дней вырастает из-за горизонта Великая правда слов: «Бремя за нас!» — становится всё ясней и ясней всему миру.

Вот в сорок восьмом будет праздноваться тридцатилетие комсомола. Праздник мужественной юности, идущей в первых рядах и в борьбе и в труде. Праздник молодости, воспитанной старшим поколением в традициях правды и света. Праздник будущего, следующего непреклонным заветам лучших людей, отдающих свою жизнь на благо человечества.

Новую бодрость вселяли в сердца советских людей мудрые меры государства по укреплению советского рубля. Всего лишь через два года после окончания тяжелейшей и жестокой войны в нашей стране восстанавливается развёрнутая советская торговля. Нужно ли большее доказательство величайших преимуществ социалистической системы хозяйства?

Осело и те ожидания, которые будут осуществлены в наступающем новом году:

«В том его главное свойство,
Чтоб, не присев на скамье,
Нёсе он всё дальше довольство
Каждой советской семье».

Уже светлеет и во всём мире. Лучи нашей правды сияют далеко окрест. Тем гуще, тем ярче сияет темла свои немощные колдыа адава. Но голос века, голос, кохренний над реми реку, уже прозвучал над всем изжившим себя, над всем остановившимся в движении, над всем, задерживающим это движение человечества к свету, к счастью, к величию.

Что же несёт нам сорок восьмой?

Свет. Свет, разрывающий тьму! Свет нашего мирного, всеозначающего труда. Свет нашей, вновь счастливейшей жизни. Свет, освещающий нашу волю и правду. Свет, от которого не спрячешь никакие международные махинации империалистических хитроумов. Свет, олодотворяющий поля Чехии и Болгарии, Польши и Югославии. Свет, скорость которого ещё не пережала человеческая изобретательность. Пусть же станет видимо далеко во все концы света!

Разлив стали в мартеновском цехе Константиновского металлургического завода имени Фрунзе (Донбасс).

Фото С. Гендельмана

ИХ ПОЗДРАВИЛ СТАЛИН...

Поздравление товарища Сталина с производственными успехами — большая и волнующая награда для советского человека.

В 1947 году не раз руководители крупнейших советских предприятий сообщали любимому вождю об успешном выполнении государственных заданий, о блестящих достижениях по восстановлению и строительству новых заводов, электростанций, шахт и обещали в дальнейшем добиться ещё больших успехов.

Многие советские люди были удостоены в истекшем году за «проявленные ими успехи в успешном восстановлении товарища Сталина.

Восьмого апреля вся наша страна из оуоб-

ликованного в прессе рапорта товарищу Сталину узнала о том, что коллективы Зуевской и Кураховской гидроэлектростанций внесли в промышленную эксплуатацию два турбогенератора мощностью по 16 тысяч киловатт.

Победа кураховских и зуевских энергетиков — это не простой успех монтажников. Люди прилипли на страшные развалы, оставленные немецкими оккупантами. Но строители, монтажники и эксплуатационники знали, что от их работы в немыслимо степени зависят темпы восстановления Донбасса, то, что сделали эти люди, нельзя назвать восстановлением: они фактически построили станцию заново. На Кураховской ГЭС дополнительная мощность по турбинам удвоена, а на Зуевской — восстановлена так, что эта станция по техническим и эксплуатационным данным сейчас стоит выше, чем до войны. Энергетики и строители Кураховской и Зуевской ГЭС по праву заслужили поздравление И. В. Сталина.

ВАЖНЫЕ ЗАДАЧИ ВУЗОВСКОГО КОМСОМОЛА

Народное хозяйство, наука, культура и искусство, техника — такой широкий фронт работ молодых советских специалистов. На этих фронтах им, сегодняшним студентам, предстоит быть командирами. Им предстоит решать грандиозные задачи, поставленные перед страной И. В. Сталиным, — преодолеть в ближайшие годы достижения зарубежной науки, добиться небывалого расцвета культуры, насытить народное хозяйство нашей страны самой передовой техникой. Чтобы быть во всеоружии этих задач, молодые специалисты должны очень много знать и уметь.

Хороший специалист в нашей стране — это человек, не только прекрасно овладевший всем комплексом знаний и навыков, необходимых ему для работы, но и организатор и воспитатель. Он не замыкается в тесных рамках своей профессии, а неизбежно входит в широкий круг политических и общественных интересов своего народа. Но, чтобы быть хорошим политиком и общественником, нужно уметь глубоко, по-марксистски подойти к каждому общественному явлению, нужно уметь охватить предмет в целом, проанализировать всё его внутреннее содержание» (М. И. Калинин).

Почти 20 лет назад, выступая на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ, товарищ Сталин призвал молодежь Советской страны овладеть наукой. Товарищ Сталин говорил: «Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, а что бы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо». И дальше: «Овладевая наукой, выкапывая новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знания, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом — такая теперь задача». Это указание вошло стало для комсомола и молодежи путеводной звездой. За время прошедшее с момента выступления И. В. Сталина на VIII съезде комсомола, наша промышленность, наше сельское хозяйство получили десятки тысяч прекрасных молодых специалистов, которые воистину стали героями нашей жизни и на долю которых выпала трудная, благородная и благородная работа по развитию экономики и культуры в годы первых пятилеток.

В осуществлении нового пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР страна предприняла громадные строительные. С каждым днем оно требует всё более значительного увеличения числа высококвалифицированных специалистов. И с каждым днем жизни повышает требования к молодым кадрам.

Сейчас в наших вузах и техникумах обучается громадная армия молодежи. Получившие знания и необходимый опыт практической работы должны быть целиком без остатка отданы делу построения коммунизма. Вопросы качества учёбы, коммунистического воспитания студенческой молодежи в наши дни вновь встают перед со всей остротой и принципиальностью.

Почти каждый второй из студентов является членом Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Долг комсомольца, его святая обязанность — быть всегда и во всем впереди. Комсомольцы вузов и техникумов должны и должны сыграть решающую роль в деле повышения качества образования и воспитания молодых специалистов.

Большие недостатки обнаружены в работе комсомола среди студенчества. Они, эти недостатки, очень подробно, глубоко и самkritично не были рассмотрены на недавно состоявшемся XVI пленуме ЦК ВЛКСМ. Это, однако, не может и не должно оставаться так, потому что основная масса молодежи, обучающаяся в стенах высших и средних специальных заведений, своим патристическим долгом считает упорное, сосредоточенное и глубокое овладение знаниями и прежде всего научной наукой — основами марксизма-ленинизма.

Успехи подготовки кадров молодых специа-

листов были бы неизмеримо больше, если бы комсомольцы вузов и техникумов больше энергично, настойчиво и методично занимались тем кругом вопросов, от серьёзного и правильного решения которых зависит качество подготовки молодых кадров советской интеллигенции.

Основной недостаток в деятельности комсомольских организаций вузов и техникумов, который был отмечен и докладчиком на пленуме секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Н. А. Михайловым и выступавшими в прениях товарищами, заключается в том, что студенческий комсомол нередко замыкался в рамках только своих, чисто комсомольских дел и обязанностей, не оказывая серьёзной и постоянной поддержки директорам вузов и техникумов, профессорско-преподавательскому составу в их борьбе за высокое качество учёбы и неразрывно связанную с ней высокую деятельность политико-воспитательной работы.

В известном обращении к первой конференции пролетарского студенчества в 1925 году товарищ Сталин указывал молодежи на вредность разрыва между политической работой и овладением наукой: «Студенты-коммунисты и вообще советские студенты должны постигать себе ясно и определённо переднюю задачу: овладеть наукой... Этим я вовсе не хочу сказать, что студенты не должны заниматься политикой. Нисколько. Я говорю лишь о том, что коммунисты-студенты должны уметь считать политическую работу с делом овладения наукой».

Комсомольская организация вуза, техникума должна видеть себе за правило: постоянно осуществлять контроль над успеваемостью каждого студента, за организацией учебно-воспитательного процесса, за его насыщенностью большим идейным содержанием. Комсомольцу не должно быть безразлично, что и как он учит.

ИХ ПОЗДРАВИЛ СТАЛИН...

Железнодорожное колесо... Какую огромную ответственность несёт эта деталь на величественном пути страны! Кто качества её зачатую знает жизнь населяющих, неслось и своеобразия доставки грузов. Днепропетровский завод имени К. Либкнехта славился до войны выпуском железнодорожных колёс. Иные разрушили завод, но уже восстановили колёсоприкатный пех этого важнейшего оборудования. Цех после восстановления оборудован лучше, чем до войны, и уже по рельсам всей нашей страны бегут колёса, изготовленные возрожденным заводом имени К. Либкнехта.

Двадцать седьмого сентября 1947 года на Ворожежском заводе имени С. М. Кирова была заложена первая палата синтетического каучука. Изготовление каучука из дешёвого материала, без которого невозможны современные промышленные процессы.

Наша страна — родина синтетического каучука. Только у нас была решена проблема промышленного получения синтетического каучука такого качества, что автоматы из него подпрыгивают и жарятся в пламени Средней Азии и на Крайнем Севере.

Ворожежский завод «С-К-2» был варварски разрушен первой очередью Воровского завода задание восстановить его, и строители преодолели все трудности. Они отстроили из производственных помещений, введя в эксплуатацию 23 тысяч кубических метров, смонтировали 400 тонн сложного оборудования. Только одна труба, по которой циркулирует жидкость и газы на заводе «С-К-2», тянется на 120 километров...

«Поздравил строителей и монтажников с окончанием восстановления и пуском в эксплуатацию первой очереди Ворожежского завода синтетического каучука, крайне необходимого нашей стране для нужд народного хозяйства», — писал товарищ Сталин, высоко оценивая славному коллективу завода. «Желю дальнейших успехов в вашей работе по строительству второй очереди завода».

Каждый свой день пребывания в стенах учебного заведения он должен оценивать с точки зрения того, как много даёт ему этот день для его будущей активной работы строителя коммунистического общества.

Большую роль в творческом выявлении профессора, в разработке умения самостоятельного научно мыслить, смело экспериментировать, а ещё не изведанных или мало изведанных областей должны и могут сыграть студенческие научные общества. Они получают всё большее значение и значение в общем процессе обучения. В них сейчас состоит около 20 процентов всех студентов.

XVI пленум ЦК ВЛКСМ обратил внимание комсомольских организаций на то, что этот важный участок их работы часто оказывается заброшенным. В результате неимения к нему передки случая, когда научные кружки работают на низком уровне, на научные конференции выносятся случайные, а подчас просто неумные темы.

Популярность и авторитет научной самодеятельности студенчества комсомольцы обязаны laying под своё покровительство.

Много внимания уделено пленумом ЦК ВЛКСМ организации студенческих научных обществ. Здесь студенты часто впервые, непосредственно и практически пробуют свои силы в том деле, которым им предстоит потом заниматься всю жизнь. Производственная практика — это тот пробный камень, на котором проверяется правильность выбора студентом своей профессии, с одной стороны, и с другой — качество подготовки его как специалиста. Так может ли комсомольская организация оказаться в роли безразличного наблюдателя в этот ответственный момент в жизни каждого студента? Конечно, нет! Но факты часто говорят о безразличии и несерьёзном отношении комсомольских организаций к тому, как и где проходит практика студентов. XVI пленум ЦК ВЛКСМ осудил подобное отношение комсомольских организаций к производственной практике и потребовал исправления вскрытых недостатков.

Самый специалист — всегда руководитель и организатор. А это значит, что он должен быть человеком марксистски образованным, должен уметь применять революционную теорию в своей повседневной практической работе.

Советские студенты с огромным интересом, серьёзно и вдумчиво овладевают марксистско-ленинской теорией. Но нельзя скрыть и того, что есть ещё у нас такие студенты, а заочники и студенты-комсомольцы, которые формально и поверхностно занимаются этим важнейшим предметом. XVI пленум ЦК ВЛКСМ совершенно справедливо разрешил положительные факты как проявление безразличия и апатичности, нетерпимости в нашем советском обществе. Комсомольцы обязаны всемерно содействовать тому, чтобы каждый молодой специалист был хорошо вооружён марксистско-ленинской революционной теорией.

Это содействие должно выражаться и в придирично-внимательном контроле, который должны осуществлять комсомольские организации в вузах и техникумах над марксистско-ленинской учебной работой, и в создании широкой сети кружков, дающих дополнительные знания, позволяющие глубоко осмислять те или иные основные проблемы этой науки, и в теоретических конференциях и собеседованиях, которые проводились бы кафедрами основ марксизма-ленинизма совместно с комсомольскими организациями.

Устранение недостатков в деятельности комсомольских организаций вузов и техникумов, которые вскрыты XVI пленумом ЦК ВЛКСМ, представляет сейчас важнейшую задачу вузовского комсомола. Можно не сомневаться в том, что комсомольцы-студенты сумеют оправдать то высокое доверие, которое оказывают им партия и комсомол.

Д. Налбандян.

В Кремлевском дворце 24 мая 1945 года.
(Всесоюзная художественная выставка).

Моя жизнь — подпольщик

РАССКАЗ ПОДПОЛЬЩИКА*

Этого самого человека... имя-то его я все-таки не знаю, потому что ути очень худая эта история — ну, извини, условно, Олександ Кущевский — знавал я его до войны. Собственно, как знавал: «дзвастув», «продай» — шпачное знакомство. Раз да видел его в Крайном Рогі, на стахановских сьездах, он тогда со страни газет не сходил, ну мне и показывал: вон он сидит, этот самый знаменитый Кущевский-то. Потом раз в Москві мы с ним сидели, ордене мнэ за руду в Кремле вручали, ехали, ордене мнэ за руду в Кремле вручали, ну, и покаял мнэ с ним ну обратном пути в один поезд, в вагоне куше. Сутки ехали и не разговаривали как следует. Он всё в окно глядел да наивствался. Раз только каки-то сады мы проезжали, а несла была, салы-то цесали, ну, словно снежные ворота средь зелени белели. Он было и принался мне рассказывать, что хочет у себя на руднике в садике каки-то там мичуринские осы сорта грушек завести. Но юб этом не успели разговаривать: отнерулись оупта и заснежили. Тощо мнэ с ним стало. Ушлэ я к своим ребятам в соседнее кутэ, там у них и прижился. Я люблю людей — душа нараспашку, чтоб человек и поробатать как следует умеи, и полтоковать как следует, а под подолщицим случэ, чтоб и песю спел. А это что? Едет человек в Москві, ему сам Михаил Иванович «Трудовые Знамя» к поджику принитали, а он хотэ бы улюбилсь!

И больше с тех пор я его и не видел до того самого легкого лета, когда вдруг наше знаменитое Криворожское фронтоу стало. Вы помните, как было? Сначала-то мы наделись, что немца сразу разобьют и на Берлин пойдут, потом на старую границу быца надежда, потом наши рудничные не отперлисьли линию обороны копыта — ну, и на ту линию маленько надеяться. И вдруг-бэ, эвакуирують наши заводы. Тут и поняли мы: худо. Неужели с насильными несть синьмась? Да как синьмась-то? Завод — дело ное: машины, станки разобрали, на платформу и — ойда, хоп на Дальний Восток. А рудничко как разберешь, он весь под землей. Сверху-то только копер, подкачка, а он на кой шут нужен! А руды-то, самаи знатны, у насю какава. Ох, хороши! Немца дальню-далю на нёй зарыли. Всё с концессиями подбирался.

Словом, получаем от обкома директиву — рудники рыть. Рыть? Это легко написать. А что делать станешь? Не фашисту же отлаивать Рааля. Плакали, а рыли. Потому, разве допустимо, чтоб фашист этой самой знаменитой рудой — да по знаку Ок, дорогой товарищ, и тяжёлое это дело для старого рударя!

Ну, да это ж забрёд в сторону. Так вот, на том самом знаменитом руднике, где лучшая наша руда была и где тот самый, условно названный нами, Олександ Кущевский работал, маленько работа возобновилась. Да и не маленько, а, по правде сказать, здорово. Наш брат, рударь, к взрывному делу смолоту приучен. И уж как это у них получилось, не знаю: зарыл ли мал заложил или струхнул кто в последнюю минуту, — неизвестно к тому руднику у танках неожиданно мыссыкали, — а только взрыв-то вышел божом, так, подбёжки разнес да самую малость черток покалечил. Стало быть, сюрприз. Такой рудник — и немцу в руки, ну, тогда-то не на ходу. Ну, конечно, так электростанция, несомы, воздухоподкачка, — это всё увезено было, но рудничко целый.

А тут второй сюрприз. Торопится это их секретарь партбюро с последней группой, что рудник вырыла, по последку, от немцев уж спасаются, а этот самый Кущевский воезехатки, как ни в чём не бывало, в своём, в том же, бывало, поджидаж на яблонку аккратурным образом равнелся, рукава засучил и каку-то там мылу, что ли, чорт её раздери, подстригает. Ему: «Ты с ума сошёл: танки же немецкие вон да горой, все добрые люди ж ушли!» А он: «Ну-к что ж, танки. Танк и а степя догонит. Чеку, — говорит, — быть, то не миновать. Не пойдю я, ребята, остаюсь». Те глядят на него во все глаза: рекулишь, что ли, человек? А он отпернулся и рекет себе там эту прожукую свою мылу.

Ну, агитацию тут разводит некогда, немцы-то, вот они, как раз аллопашеся. Сбежали они к реке, да по реке, по ракитнику, по ракитнику, из посёла — и а степь. Идут они, и точно им кто в душу ливнул. Человек этот с рудничном стыде не бё паршивой осы? И главное, все они его до самого последнего дня уважали, портреты на демонстрации носили, знатым человеком стал. А тут, вдруг, орден, да какой! Ну, тут вспоминали, понтоу, такое обстоятельство: а партию он не хотел. Им рудничные коммунисты не раз намекали: дескать, не пора ли — наша гордость, знатный человек. А он всё так бочком-бочком и отворачивался, дескать, рано, вот заслужу чем-нибудь. Ну, тут, конечно, сразу и пришло это всем на ум.

Короче говоря, когда подпольная организация меня на ту рудник направляла, говорят мне: «Олександ Кущевский опасен. Этот самый Олександ Кущевский — как нам доложить, с немцами уже снохалось». Ну, ладно, слушаюте дальше. Пришёл я, значит, на этот самый рудник, да на шахтёром, конечно, а чеботарём. У меня батяня когда-то в годы безработицы чеботарством кормился, да с сам я в работицы чеботарством не определялся, этим делом а Днепровское маленько занимался. Кое-что смекал. А тут у меня всё начиниом: а паспорт с немцами штином, а днепровская прописка, ну, инструментика кое-какой, и борода. Не бог весть, правда, какая, —

короткая и рыжая, как медвежий хвост, однако — борода. Немцев-то я не очень опасался: шпачняты они на этот счёт, мнэ главное — бумага, а раз в бумаге сказано: их человек, — стало быть, живи. Боюсь я, как бы на кого из знакомых не наткнулся. Борода-то, она, конечно, человека изменит, однако в Криворожье была я не из последних. И а рекордах моих писавши и портрет мой по газетам ходил, — словом, знал народ.

Однако и это обошлось. Помельку обособлялся. Из бумаги этикий гусарский салоп вырезал, на стекло наклеил, шену брей дешёвую — чеботарю. Хвалиться не стану, заказав ко мне пошёл. Ну, разговоры, то-сё, узнаю, что я как, к людям присматриваюсь, вижу — ничего, то есть это у нас ничего, а у немцев плохо. Другие-то рудники в Криворожье все попарны, так они всё силой на этот навальели. Вывеску огромную набили: «Акционерное общество «Восток». Восстанавливают, деньги в него валил. А дело-то ни тпру, ни ну. Ну, там электростанцию, подбёжки они быстро наладили. Где-то в другом месте, видать, укарли, привезли, смонтировали, и пошло. А руды-то, нет, руда им не даётся. Почему? А вот слушаюте. Коренной-то наш рудар с семьями на Урал всё эвакуировался. Иные в армию подались. Осталось кто? Старичёк, пенсионеры, кто да хибарку себе, да усиделось. Всех — на рудник под кономом. «Какую прежде профессию имел?» Те в один голос: «Никакой, чернорабочий, ползти да бросить». И волынтэ, без чужих дел, от гонимых людей, Много с ними этот самый господи пёг Иоганн Эберт мнэ принёс. Он к ним и с посулом, и с угрозой, и с пайком, и с пайкой — не идёт дело. Разстрелял даже некоторых, и это не помогло. Ужасная старина, «Чёрт — а вот, — смертью не пугай, мы сами прожизли».

Я к тому времени уже людей нащупал, кое-кому открылся. Среди старичков тех же бригады организовал для подпольной работы. Через них со всем рудником в связь вошёл, а связь своей не подмывался. И вот докладываюте мне бригады: из всех коренных здешних работает с немцами один Олександ. С первого дня, как немцы пришли, говорил, оделся вочине и явился к их шефу. Танк, мнэ, и так, гражданни такой-то, хочю, дескать, доайлоу сотрудничать с немецкой администрацией. Те, понятно, рады, обмы руками в него вцепились. Сперва-то он в бригады у них ходил, потом, слыш, старшим по подземным работам стал. «Ну, — думаю, — погодя, друг мой, тебя советская власть куца вознесла, а ты ей так платишь?» И вот предлагатю мне мою подпольные бригады того самого Олександ убрат. «Что ж, — говорю, — дело святое: паука убить — сорок грехов простится. Убейрайте, но чтоб тихо».

И ведь, скажи ты, не убрали, не смогли: осторожный. Только и ходит с рудника домой, из дома на рудник, вот и весь путь. И то днём. А дома у него офицеры немецкие stanno. Внешняя охрана. Не выходит. «Ладно, — думаю, — посмотрю, сколько верёвочку ни вить, а кончу быть, допрыгаться». А тем временем работа у немцев походечей пошла. Почему? А вот почему. В наших-то рударях отравлялись, пригнали они на рудник изополоненных, с ними поступали так? В лагере до смерти доведут, человек уж ноги не волочит, тогда к нему: хочешь работать — кормить станем. Ну, некоторме, понятно, и соглашались. Выезжали-то кому охота самому ехать. А тут ещё думка: а ну, улучу минуточку — сбегу на что

ИХ ПОЗДРАВИЛ СТАЛИН...

Днепрогэс... Сколько мучительных мыслей возникло во время войны при воспоминании об этой грандиозной сталинской, позолоченной зигерке! Ираи Горького и Блока было бы странно, что жемучки-жизнители, знаменитики, гордость нашего народа, лущая по оборонам и гидростанциям мира разрушения, находились на власти немцев. Поэтому каждый гражданин Союза с особенно радостным чувством читал статью о подвизании того, что 3 марта 1947 года первым гидроэнергетическим комплексом в 12 тысяч киловатт да энергии промышленности...

«Солнце Украины» как любовно называлось украинские крестьяне Днепротэс — высью, намола и светить и треть. К концу посевной-уборочной кампании в Днепротэс воезехатки, как ни в чём не бывало, в своём, в том же, бывало, поджидаж на яблонку аккратурным образом равнелся, рукава засучил и каку-то там мылу, что ли, чорт её раздери, подстригает. Ему: «Ты с ума сошёл: танки же немецкие вон да горой, все добрые люди ж ушли!» А он: «Ну-к что ж, танки. Танк и а степя догонит. Чеку, — говорит, — быть, то не миновать. Не пойдю я, ребята, остаюсь». Те глядят на него во все глаза: рекулишь, что ли, человек? А он отпернулся и рекет себе там эту прожукую свою мылу.

* Из книги «Мы — советские люди», подготовленной автором к печати.

ещё. И хорошие ребята прибыли, я с ними сразу связался. Лихие, подавая мне изрычатку, хоти как хоти, давали ружье и патроны. Я и среди них прохитро подползши бригаде, организаторам, бригаде-патроне в барак. Сажу я туда это, значит, у себя на лике, гвоздишки в патмётку загоняю, тихо-тихо, как пауз в тёмном углу, а паутинка-то моя и на ружье, и в носно-плеченных бараках, и в посёлке. Информацию ко мне течёт: то там, то тут машиники загораются, склады всхлипают, состав там с откоса летит — и всё тихо-крыто.

Ну, опять я в сторону лезу. Словом, хотя бы так то становлюсь к старости. Словом, возмещенный я быстро становлюсь. Как возможность будет — рывком туда. Только что? Нечем. С подлым оком у меня только радостно. Обещают при случае мне доставить. Да жди его, случая. А тут дело к концу идет, рудник вот-вот восстановят. Наказал я было своим бригадкам на руднике шапки жаксы-нюбсы старые пошить — где тут: наздор. На патерых наших оид немей, каждый шаг на виду... Скуное дело. И пуше всего зло мне на этого Олеския, что для немей старается. «Ах, ты,— думаю,— Нула скаритская, только б мне до тебя добраться, я б тебе показал рудник мушурный!»

[illegible][illegible]

Хорошо, сям понимаю, не допускать. А как допустить? Я вестером бригадирам своим — даю им с ними, для виду пенсы горланины, аммоски, свеченная — «коньяк» — три бура-а» для декорации на столе у нас стоял... и говорю: как вы не пертисе? А они затылки чешут, как мы ни пертисе, не выходит у нас дело. Темце — дурак-и дурак-и, а должно быть, сообщил, почему это у них, тамшенин, горят. Настали веде карзулов, на шахтах собак завели, утром ночью прожекторами освещён! Не обожает. Что делать? «Глохо», — говорят, «обата». «Глохо», — отвечают бригадиры. — Это хуже, да недёз!»

Сговорились, однако, пойти на крайность. Если уж до рудника доберётся у нас руки коротки, хоть праздник сорвём. Тут у нас старичок один, подвыпивши, научился прелестные гранатки из старого толе да консервных банок мастерить. Вот дать кое-кому из наших по такой самодельной гранатке, ну, да в день открытия и угостить ими как следует всех гостей.

Ладно. И так мне это зело, что решаю я
виструкии все нарушати и самому в этот
де с ребятами рискнуть. Не дело это, конечно,
но, однако ведь я тоже человек, самолюбие-то
у меня тоже имеется. Ну, стали мы готовиться.
Людей подобрал я хороших — кремля. Двое
из военнопленных: один — бывший инженер из
Тулы, другой — наш, украинец, с Днепра,
Д. Габайер. Решительные ребята и с воображе-
нием. Двое из добровольцев один вызвался,
хорошим забойщиком был, ну, и
«поднять да бросить» работал. А четвертый я
сам. Мне уж я пропуск достаю.

А праздник уже вот он, на носу. И газета их эта же трещит, точно нас дразнит: «пуск», «индустриальное возрождение», «из Берлина сюда высокие едут». «Ладно, думаю, а сейчас А. А. Савельев, главный инженер, будет руководить подготовкой: этих наших их фельдшников нагнали, танки по углам рудничного двора расставили, прожектора. За день перед поездом на рудник пожаловал особый поезд. Спереди — паровоз, а за ним вагоны, посреди все салон-вагоны. Тут этот самый толстый рыжий директор концерна «Восток» из Криворожья, доктор Прам, что ли, его нагнали. И вот поехали. В вагоне — тепло, уютно, так со стальным хлыстом и ходил. Чуть что не по нему: рабочий ли, инженер ли, ему все равно, — так этим хлыстом и вытлет. Но столько же, сколько, приехал среди них самый толстый, потому что он самый толстый, — но все встает и стелется, как не в поев им кланяется, улыбается, как бес шуелуиный. Ну, в всяких вагонах, в вагонах, в вагонах, в вагонах, в вагонах. В вагах так и вертятся. Ну, и мы тут внемлем в народе стоим, вроде как любопытные.

И тут вотчужествуя я, что-то-то меня
 глядит. Оглянулся: ба, старый знакомый,
 Олексий Кушечков на меня уставился! «Неуж-
 то, — думаю, — узнал, оксюоз боролу-то?»
 И тут улыбка, улыбка, однако, если так
 думать, почему высказывать не могу,
 дель полиция в лапы... Стою. И он стоит.
 Смотри, и он смотрит прямо на меня издала,
 исполковая этак, и вроде усмехается и, пока-
 зываясь, мне, голой, качает. А кому, не знаю.
 Ну, погоди, — думаю, — бога благодаря, что
 ва крушун лично пришли, жаль на тебе зара
 гратить, а то дежал бы ты у меня — где рука,
 где ноги? А он покачал так голову и пошел
 мне знади, да на них был светот катори.

У меня отсередра отлегло: не узнаю. Кому же это он кивал-то? А может, устал и мне кивал, дескать, а тебя не выдам, замолви и ты за меня словечко, ежели что. И тут, как узнаю, я, что он за всеи этой фаншастской ушасткой, за всем этим зверством так много мне выс на дыню подложил. «Жизь тебя, думаю, — вспомню!» Однако раздумывать было некогда. Объявляя народу, что рудник открывают будут при свете иллюминации, и что рудники, которые приехали, и кавальерийской мундир, своей рукой погладит, и руды на-гора поднимет, а потом рабочим, которые тут трудились, будут рождественский гостинец немецкий выдать. «Что ж, — думаю, — ладно, вот и нам будет как раз полагается, а что же там еще?»

Ну, стоим, в руки удам, ждём. И вдруг шеф открылся, и из неё валит этот самый Олексий Кушевой да немецкий руднич- ный шеф Иоганн Эбэрт, ну, и с ними этот са- мый странный Страм. Немцы-то пьяные,е, ру- ками размахивают, улыбаются, кричат на весь двор. И всё кула-то Кушевой посылают. Шеф- судилка бубнит: «Всё-то уже пошло, дескать, пусть-ся под землю, всё подгорит, а как вы- тошнись — сигнал». Ушёл Кушевой. Эти пошли в контору. А мы, значит, меж собой пережались: вот, дескать, гад, в какой по- бег к немцам алек: как своему брату. И опять злыла меня досала. Вот по немцам-то мы сй-

час вдзрим, а он под землёй от кары отсидится. И так мне стало на душе тошно, что позабыл я даже, что живу, может быть, последний час мой.

Однако все по-другому получилось, чем мы думали. А как получилось, слушайте дальше. Ждем мы, когда появятся безанские гости, и вдруг балбасы, а идут их солдаты да не те голландцы старших возрастов, что на ружье тут околочивались, а здоровые, один к одному, морды ражее, одеты справно, должны были так с поездом приехали. Охрана. Пошли к конторе, выстроились, потом в цепь разбежались, автоматы сняли и ну топить начали. Мы же сидим тут, как ни в чем себе нету, гитлеровцы же у нас совсем нездоровые, лих, пугунье убо, тогда отжали им пушки шагов на сто, встали цепью и не пускают. Ах, мать честная! Поговорю нам дело. Разве нашу банку на такое расстояние метишь? И опять меня зло взяло: непременно этот Кушовой кому-то шепнул: дескать, беритеесь.

А тут, как нарочно, показались из двери их начальники, рыжие, толстомые, все в форме, должно быть, больших чинов. Около копра ходят, ну, точно нас дразнят. Фотографы их шёлкают, киношники крутят, а они рисуются: вот мы какие важные. Самая пора сейчас к ним туда бомбулю хорошую бросить. А разве докинешь? Ох, и пережил я тогда!

[illegible]

И ты тот сижу я, значит, сняты на липке, сапог-
и ты развалился у меня между ног, полог рот
уводил, а руке молодок сижу и губы, испод-
ножками, сопоставлю. И вы знаете, что наду-
мал? Непременно это он, Олексий Куцевич,
удулик взорвал. Большие некому. Немцы
на перед ты самым своим родством
каждый угодок вымохали, а из наших никого,
кроме него, в ту ночь под землей быть не
могло. И ты, Олексий, встал и начал
выступался, и как угодливый-тебя рабочи-
м давал, как красноармейкам пылочно его
жена тасала. Дальше-больше. Стариков моих,
бригадиров подпольных, пороспирал; те
ложки он взорвал, более некому... Стало бы-
ть, человек и с немцами не зря остался, и весь
его род и припала, и хаты немцы, и обилу
и в тот же снес, что и ты, Олексий, и твои
руки. Однако не ясно, почему же это он
нам не открылся, хотя, по всему видеть, об-
щел и знал... Ну, да это — дело его, раз он
иди на тотю подвиг пошел.

Пришёл я к такому выводу и горько мне стало. Ну, да что тут руками махать, когда дело сделано. Отступала я, куда надо, по рации об этой самой ночи покоем, и в ошибке своей признался, и о героической смерти рудара Кучевого Олесия доложил. Тут другие дела подошла, и так как немцы от рудника этого отступились, меня для работы на другой участок перекинули, на сланцевую шахту, где немцы было давно копытели начали.

нечистые руки фашисту кровь, земли нашей, руду-то, значит, отдавать, — а поскольку это божий перст, посмала старуха в церковь, а за ними и молодые жанки потянулись. Вот и думаю я: «Зачем же дела героев наших а бо-говы руки отдавать, уж пускаяй бог для старух сам старается, коли ему не лень».

Хорошо. Нашли мы в Кривом Роге каменотёса-гравидильщи. Сумку ему хорошую асигновали. «Тени, — говорим, — из гранита обелиск нашему герою». Тот говорит: «Ладно, сделаю в лучшем виде». Хлопнули по рукам. И вот, хоть верь, хоть нет, в этот самый день, как памятник-то мы заказали и вернулись из Кривого Рога, сижу я вечером в общежитии и приходит ко мне один проходчик. Сел тут же на койку, за бока встал, хохочет — катается. «У нас, — говорит, — на руднике ещё чудо!» «Какое такое чудо?» «А вот, — говорит, — несё послылок болтают, будто видели старуху покойника Кушечего, явился тот будто с того света, походил по своему пепелищу, грузики свои потрогал, обругал кого-то худым словом и ушёл». «Нет, — говорю, — врешь, хватит с меня мистики!» И только я это сказал, хват — дверь настежь. Мать честная! В деснях Кушечой. Ну, он и он, только усы почему-то длинные, русые, обгребанный весь, косматый, и орден на зтаге его лохматых доводильный сияет.

Ну, вижу, уж это не мистика, а явление вполне реальное. «Здорово, — говорю, — сидишь, рассказывая, как там на том свете?» А он говорит: «Как на том, не знаю, а на этом плохо. Хатку-то, — говорит, — ты мне спалил,

половину грушек моих припёк. Где, — гово-рит, — и жить теперь, — не знаю. Ты бы, — говорит, — вместо того, чем нематки мне за-казывать, лучше б угод какой отбей, а то, — говорит, — не один я, в жена с девочкой». Обрадовался я. «Значит, жив?» — говорю. «Значит, жив», — отвечает. «Где же ты, — говорю, — торгушка, был, чего ж ты, — говорю, — столько времени делал? Да и рас-скажи на милость, как ты из взрыва вылез, ведь осел плас-то...»

Ну, закурили, и рассказал он, что и как. Оказывается, вот что: он уже вовсе был удо-жился отступать, хват — весть: рудник-то не взорвался, целехонкий немцу достался. Тут ему и пришла мысль остаться, к немцам в доверие войти, а там подождать хорошего случая.

В райком-то об этой своей затее он сообщить не успел: поздно было. А когда секреты партбюро к нему по дороге зашёл, — посторожничал. Очень, вишь, с ним народом много было. Ну и решил действовать на свой страх и риск. Ну, а потом, как полное доверие от немцев заслужил, тут и развернулся, сделал три зарода под самые основания, шнур приспособил я в самый тот момент, как позвонил ему давать вагонетку на-гора, и запалил. «А как же ты жив остался?» — спрашиваю. «А очень, — говорит, — просто. Шнуры-то были с дистанцией, на время. Запалил — да не к стволу, а в другую сторону, в глубь шахты, побежал, к вентиляционной трубе, по ней я

вылез. А там на ног подлся, по следам семья...»

И ловко же он всё это придумал! Просто за-знавно мне, как он немцев на это самое на их рождество распотешил. Лучше и не надо!

«Как же ты, — говорю, — немцев-то обду-рил, не боялся их?» «Их-то обдурить нехитро. Они от народа за версту — говорят. — Вот нас, верно, побавлялся, знал, что за мной охоту ведёт. «Благословят, — думаю, — в одиоцкие чурт-це чем и не дадут дело до конца довести». Я, — говорю, — дождавшись, что ты где-то тут скребишься, а открыться нам боялся, больно ты смело работал. И ду-мал я: выдур у тебя провал? Вот, — говорю, — я и шёл параллельным забоем. Ты провалишь-ся — я взорву. Меня схватят — ты доведёшь».

Ну, потоворили мы с ним, самогончике несколько по стаканчику выпили на радости, той, что у нас «коньяком — три буряка» зо-вется, а потом он и спрашивает:

«Дай-ка ты, — говорю, — мне, друг, ан-кету. Хочу, — говорю, — подавать в партию. Теперь, — говорит, — я себя мало-мало пока-зал. У меня, — говорю, — давно, до войны ещё, звание было, да всё счита-лось — честь-то больно велика, её как следует заслужить надо».

Вот он какой есть, Олеський-то Кушечой, мо-лодой член нашей партии!

Рисунок А. Шулца

Ну, а вернувшись я сюда уже с Красной Ар-мией. Кое-что из наших рудничных со мной пришил, с округи стали сходиться — кто по крестьянам от работы скрывался, — с Урада наша подъехали. Начнем работу. Станцию немецкую, что от взрыва того не сильно по-страдала, пустили, подлётку вычленили, коёр, что тогда в сторону повело, на место поста-вили, укрепили. Стали ствол сквозь обвален-ные породы проходить.

Ну, а как первые то работы схлынули и по-явилось время вокруг оглядеться, пришло мне, товарищи, в голову, — а меня в ту пору тут в партбюро забрали, — что беспрерывно надо нам на руднике памятник поставить тому самому рударю Кушечему Олеському, что погиб под обвалом смертью храбрых. По-ставил вопрос этот на партбюро. Голоснули «зэв. Райком приветствует» хорошее дело. Хорошее потому: надо человека перед после-ком реабилитировать, ведь ни за что, ни про что в немецких прихвостнях сылёт. А второй момент религиозный: как варч-то тогда про-жила, старуха поселковца в один голос: дескать, это перст божий, не захотел бог в

Здесь работает
комсомольско-молодежная бригада
им. *„Новой Сталинской пятилетки“* и имени
„Трудовой доблести“ бригадира —

МУХИНА

Николая Павловича

Кандидата в депутаты Московского Городского Совета
депутатов трудящихся,

возвзавшая на себя обязательство к концу 1950г. выполнить
15 годовых производственных норм.

МОСКВИЧИ

Москва... В творческом порыве все-народного соревнования выдвигается вперед лучший.

Райсорт москвичей великому вождю народов товарищу Сталину о досрочном выполнении плана второго года послепятилетки — замечательный документ. Замечателен он не только теми цифрами, которые содержит в нем, но и тем, что успехи москвичей, как и ленинградцев, как и труженников многих других областей страны, вновь и вновь свидетельствуют о совершающемся коренном перевороте во взглядах рабочего на труд. Труд в СССР стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма.

Москва — крупнейший в стране промышленный центр. Досрочное выполнение его плана второго года пятилетки может быть расценено как выигрыш генерального сражения в борьбе за пятилетку в четыре года. «Мы будем

всегда впереди», — написала москвичка товарищу Сталину. Это завершение звучит клятвой. Все силы, знания и таланты рабочих Москвы будут вложены в дело победы.

200 тысяч юношей и девушек Москвы и Московской области досрочно выполнили годовые нормы, а 380 человек из них — даже по пять годовых норм! В своем большинстве эти молодые рабочие, переломившие социалистического соревнования, совсем недавно вышли на производство: их рабочий стаж исчисляется всего лишь тремя-пятью годами. Но посмотрите, как они работают! Всякое дело горит в их умелых руках. Жадно, упорно, неутомимо овладевая молодёжь тайнами профессионального мастерства. Результат этого — постоянное перевыполнение норм вдвое, втрое, вдесятеро..

У нас выросло новое поколение молодых рабочих. Они не мыслят для себя

жизни вне активной борьбы за коммунизм. Так воспитала их партия. Так воспитала их ленинско-сталинский комсомол.

Чести быть названными в числе самых передовых рабочих, овладевших техникой своего дела, добились молодые москвичи Анна Кузнецова, Мария Волкова, Павел Биков, Андрей Якушин и многие, многие другие.

Это новаторы производства. Каждый из них в своей отрасли сумел найти неперепробованные дороги для повышения общего уровня производства. Их начинаниям становится достоянием десятков тысяч рабочих, значительно сокращает сроки выполнения пятилетки.

Окрылённые грандиозными планами и задачами, которые стоят перед их любимой Родиной, молодые патриоты всегда готовы служить ей не за страх, а за совесть.

Мы рассказываем на страницах «Смены» о молодёжной бригаде Николая Мухина, одной из лучших производственных молодёжных бригад Москвы. Пост Николая Мухина, двадцатидвухлетнего рабочего Московского государственного оптического завода, — у слесарного станка. Молодой слесарь оценивает свой труд с государственной точки зрения. Он понимает, что от его успехов в какой-то степени зависит общий успех. Николай Мухин добился высокой производительности труда, регулярно выработывая двести—триста процентов нормы. Мухин — бригадир комсомольско-молодёжной бригады. Кроме него в бригаде семь юношей. Никто из них не хочет отстать от своего бригадира.

К 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции бригада рапортовала о выполнении пяти годовых норм!

Вспомогательная в фотографии, иллюстрацию на первой странице этого номера «Смены». Год закончен со славой, и маленький дружный коллектив собрался в тесном кругу отметить знаменательное событие в своей жизни. Замену радую своему производственному успеху, молодые люди поднимают тост за свой завтра. И они уверены в завтрашнем дне. Он сулит им новые успехи во славу Родины.

К концу 1950 года выполнить по 15 годовых норм каждому — таково обязательство бригады Николая Мухина.
На снимке: сверху — бригадир Николай Мухин подписывает социалистическое обязательство; внизу (слева направо) — члены бригады Константин Жаров, Юрий Семёнов, Виктор Покатайкин и бригадир Николай Мухин за работой.

ИХ ПОЗДРАВИЛ СТАЛИН...

Территория завода «Ростсельмаш» имени товарища Сталина не раз была местом яростных боев. Первенец сталинских пятилеток, завод, изготавливавший лучшие сельскохозяйственные машины, немские баллисты смесили с лица земли. Понадобилась самоотверженная команда, насадившая Ростова на донгу, чтобы восстановители смогли начать свою работу.

И этот завод, от которого не оставалось почти ничего, кроме пропавшей школы, вновь даст стране первоклассные сельскохозяйственные машины.

Четвертого ноября 1947 года были опубликованы рапорт восстановителей завода «Ростсельмаш» имени товарища Сталина и ответное поздравление товарища Сталина. В своем поздравлении товарищ Сталин особенно отметил, что восстановленный завод освоил производство нового типа комбайнов — «Сталинец-6».

В 1944 году, когда ещё шли жестокие бои, по предложению товарища Сталина была начата постройка гражданского газопровода Саратов — Москва. И вот в августе 1947 года строители газопровода торжественно рапортовали товарищу Сталину, что гигантское сооружение готово: газ пошел в Москву.

Линия стального туннеля, по которому газ Саратова попадает в печи и топки Москвы, — 135 километров. 1,5 миллиона кубометров земляных работ было произведено строителями этой замечательной магистрали. Кто только не участвовал в её сооружении: Землекопы, сварщики, монтажники, плотники и даже водолазы — газопровод прошёл по дну в реке и озёр.

Газопровод Саратов — Москва в 5 раз увеличил снабжение газом жителей столицы и её промышленности. Газ в топках и печах — это сбережённые леса, уголь и нефть. Это более здоровая атмосфера большого города, не отравленная топочными газами, пылью, копотью. Это — облегчение труда на заводах, увеличение быта трудящихся.

Словно раскалённые ленты тапнули вдоль дёха от громадного прокатного стана: это «Большой штифел» Никольского комбинатного завода прокатывает стальные трубы. Крутящая стальная заготовка раскаляется в печи, потом она подкатывается множеством различных механизмов, скользит по роликам и наклонным стеллажам. Наконец, прокатка выполнена, и изогнутая, бесконечная труба готова для подачи нефти, газа. Наркомов хозяйства СССР нужны бесчисленные километры этих труб.

С гордостью рапортовали товарищу Сталину рабочие и восстановители Никольского комбинатного металлургического завода, что задание великого вождя советского народа по строительству и восстановлению новой очереди завода выполнено.

Девизом бригад, работавших по сборке оверлейных агрегатов «Большого штифеля», были слова: «Качество и время». Самоотверженный труд позволил строителям и монтажникам выиграть время, выполнив все задания раньше срока. А качество их работ было прекрасное — об этом свидетельствуют новые трубы «Большого штифеля», уже нашедшие применение в самых различных районах СССР. Поздравление вождя — заслуженная награда героическому коллективу «Большого штифеля».

НОВЫЙ ГОД

Осыпaeмый звёздной пылью,
На озёрах сверкает лёд.
Распластав серебряные крылья,
Самолёты

Уходят

В полёт!

Самолёты уходят в полёт, —
А просторы распахнуты навстречу!
Молодая страна зовет!
С Новым годом
И с новым счастьем!..

Так веди нашу жизнь вперёд,
Веди на то ты и Новый год!

С. ВОСКРЕКАСЕНКО

РАССКАЗ ПРО ФИЛИМОНА ЛЕБЕДУ

Ласточки ещё летали
В золотом его саду,
А шахтёры поздравляли
В третий раз — всё с Новым годом —
Филимона Лебеду.

В третий раз кура» звучало,
В третий раз, и никаких,
Лебеда за три квартала —
Это кроме всяких шуток —
Дал три нормы годовых.

Он шутил довольно редко,
И сказал он: «Ну, так вот!
Вы, друзья, уж как хотите, —
Я ж хочу всю пятилетку
Выполнить за этот год».

Лебеда без лишних счётов
Ясно всё, как дважды два,
Он решил: «Я не орапор.
Он известен, что работа
Значит больше, чем слова».

Если ж сам он скажет слово,
Не отступит. Он таков,
Парень склада фронтального:
Скажет — сделает. Сомнаты
Попусту не тратьт слов.

Потому и орден Славы
На груди, и не один —
Две медали «За отвагу»,
«За заслуги», «За Варшаву»,
«За Кавказ» и «За Берлин».

...Ласточки ещё летали
В золотом его саду,
А шахтёры поздравляли
В третий раз — всё с Новым годом —
Филимона Лебеду.

Он у врубовой машины,
Не машины, а красы!
— Ни минуты ни одной
..Не терять!

Идет машина

Аккуратно, как часы.

Чёрным золотом из лавы
Лыста уголь, как вода.
«Забей, навалдай на славу!
Набирай большой полатой,
Если рубит Лебеда».

И быстрее засистела,
На-горь взбирался, келье,
«Ну, сегодня будет дело, —
Так откатичи сказали,
Лебеда не даст сидеть».

И железная дорога
Встрепенулась — чудеса:
То, что делали за восемь,
Делают за три часа.

Поезда пошли скорее,
Хвост вагонов на версту.
Машины засквеле:
Паровоз его в порядке,
Набирает быстроту.

И в Ростове, на Сельмаше,
В Запорожье, под Москвой
Говорят: «Да это наш,
Эта хватка боевая,
Это друг наш фронтовой!»

Раньше танк готов к походу
На три дня, — и так везде:
На неделю раньше срока
Трактор вышел из ремонта
И грохочет в борозде.

Холодно бывало дома —
В дом тепло вошло опять.
За год стало по-иному:
И работает лучше
И спокойней отдыхать.

И совсем чужие люди,
Млад и стар — друзья в труде, —
Посылают откоуду
Свой привет и благодарность
Филимону Лебеду.

Пареньки чуть улыбнутся
На приветствия, и вот
В этот миг ему сдаётся,
Что его машина в лаве
Не грохочет, а поёт.

Баерх взлетают вагонами.
Он с лица сияет пот...
«Начал я, вы поддержите,
Чтоб нам вместе пятилетку
Выполнить за этот год!»

Перевёл с украинского
Александр ГАТОВ

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ

Рассказ

Рисунки Ю. Фролова

Андрей стоял в тамбуре вагона у открытой двери. Мимо промчался вагончик с от снега фермы моста, колодачка с высокой дымящейся трубой, будка путевого обходчика у переезда, закрытого шлагбаумом. Потом между сугробами зачернели рельсы разбегающихся и снова встречающихся друг с другом железнодорожных путей, всё чаще и чаще стали попадаться группы людей, собирающих снег в кучи большими деревянными лопатами.

Маневровый паровоз, пронзительно свистя, промчал навстречу и обдал Андрея горьким паром, от которого лицо его сразу сделалось морщим. Поезд замедлил ход, громо, нетерпеливо лягнула всеми своими сцеплениями и буферами и остановился напротив длинного деревянного вокзала, с круглыми часами над открытой широкой дверью и зашпандёванным колоколом, блещущим на солнце миллионными маленькими вселёнными звёздочек.

Андрей сбросил свой халат и небольшой, но довольно тяжёлый чемодан на снег и осторожно, боясь коснуться голыми руками поручней, соскочил с него. Совершенно пустая минута назад платформа быстро заполнилась различного, спешащего, взвешивающего толпой пассажиров. Андрей подошёл минуте, другой, пока схлынула эта толпа, и подошёл к стоявшему у колокола старику-железнодорожнику в форменной шляпе и фуражке.

— Вы не скажете, как мне добраться до Скуратова?

Старик внимательно оглядел маленькую аккуратную фигурку Андрея, покачал рукой кому-то стоявшему возле паровоза, ударил два раза в колокол и, не торопясь, как бы обдумывая каждое слово, ответил:

— Автобус туда ходит раз в сутки. Называется так: автобус, а на самом деле просто грузовая машина со скамейками.

Увидев, что Андрей уже взялся за чемодан, старик добавил:

— Только сегодня, пожалуй, не пойдёт. Метель тут у нас четыре дня гуляла, дай бог, к завтраму дорогу расчистят.

— А далеко до Скуратова? Может быть, попутной машиной можно добраться? — спросил Андрей, углубив в старике осведомлённого и разговорчивого человека.

— Сегодня и с попутной не доберёшься. Кому ж охота Новый год в сугробе встречать!

Вы пройдите на вокзал пока. Поезд отправлю, тогда пойдёте на автобус.

В вокзал Андрей показало тесно и темно после ясных, морозных дней ясной блестящей на солнце снега. У буфета в беспорядке толпились пассажиры скорого поезда, с которым Андрей находился, чтобы не пропустить возвращения старика-железнодорожника.

«Неужели сегодня не удастся добраться до Скуратова?» — думал Андрей. В обычный, буднично день мысль об этом не вызвала бы в нём такого раздражения. Придет ли он раньше или позже — не имело большого значения. Ночь можно провести где угодно, хотя здесь, на вокзале: во время войны он привык к неудобствам, а студенческая и солдатская жизнь, научила его отнеситься легко к ним. Но ведь завтра всё-таки Новый год! И как хорошо было бы встретить его на том месте, где предстоит ему начать новую жизнь. Всё, что было до этого — учёбе, и даже война, и снова учёба — лишь подготовка к той жизни, которую он начнёт там, в Скуратове. И неужели сегодня, именно сегодня, когда все будут праздновать Новый год, пить за новое счастье, за будущее, ему придётся всю ночь пролежать здесь на чемодане? Правда, и Скуратов никто не ждёт его, разве только болящий завхоз или фельдшер по долгу службы, если пришла телеграмма из больницы о его выздоровлении.

Скорый Москва — Иркутск отходит! — крикнул, заглядывая в дверь, знакомый Андрей старик-железнодорожник, и Андрей поразило его громкий, по-молодому крепкий голос.

Пассажиры, стоявшие у буфета, ринулись к двери. Через минуту раздались раскаты, короткий гудок и донеслось шипенье выходящего паровоза пара. За мутными, замерзшими окнами промышленности силуэты вагонов. В вокзал стало просторнее и светлее. Какое-то короткое мгновение Андрей ощутил ценящую сердце тоску, знакомую каждому, кому приходилось оставаться одному в чужом месте, за сотни километров от близких и друзей, от привычной, установившейся жизни.

Андрей уже подумал, что старик забыл о нём, и решая идти искать его на платформе, когда вдруг увидел его в дверях, отрывающегося вдалеке и вытирающего мокрые от инея усы коричневыми узловатыми пальцами. Андрей подошёл к нему.

— Да, так как в Скуратове. Помню, помню, сейчас позволю.

Старик, не торопясь, достал из кармана кисет и завернул цыгарку.

— Племяннику у меня в Скуратове работает, — для чего-то сообщил он. — Плохо туда добираться зимой. Дорога полем идёт, а снега нынче — сами видят. Может, закурите нашего? Табак сам вырастили, а войну приспособились, теперь отыскать не хочется.

Андрей отказался. Он бросил курить, когда лежал в госпитале после ранения.

Старик, наконец, ушёл и вернулся через несколько минут. Сведения, сообщённые им, были неутешительны: с автобуса передали, что первая машина на Скуратovo пойдёт только завтра утром.

Андрей вышел на площадь перед вокзалом. Короткий зимний день подходил к концу. Облака на краю неба были окрашены в тёмный, розовый цвет, большие, тяжёлые облака легли над деревьями и домами. Слева, за низкими каменными лазами, простертыми, вероятно,

ещё в прошлом веке, выдвигался купол церкви. Слева, через дорогу, раскинулся рынок: торговля уже заканчивалась, и народу было немного, главным образом ребятишки, которых всегда влечёт туда, где толкотня и шум. Посередине площади, за низкой чугунной решёткой, из огромного сугроба торчала вершина фонтана. Очевидно, летом здесь был сквер, а сейчас сюда сваливали снег, расчищая площадь. Несколько лошадей с розвальнями было приковано к решётке, около них весело прыгали воробьи.

Взвешивая требовало от Андрея сперва позаботиться о ночлеге, но любопытство тяну-

ло его посмотреть город. Конечно, ходить много ему с чемоданом, да ещё с больной ногой, было нельзя, но ведь всё равно скоро стемнеет, и тогда придётся обосноваться в гостинице, если здесь она есть, или вернуться на вокзал.

Он пошёл по широкой прямой улице, обрамлённой молодыми деревьями. Они казались воткнутыми сверху в огромные сугробы, отделявшие укатанную тропинку и полами дорог от тротуаров. Однотипные трёх- или четырёхоконные дома с резными карнизными и наличниками, длинные заборы, водопроводные колонны на перекрёстках с ледяными горами вокруг — всё было такое же, как во многих районных городах, которых немало перевидал Андрей во время войны, странствуя по тыловым госпиталю. Но в каждом из тех городов было и что-то особенное, неповторимое: то ли крупный завод — гордость всех жителей, то ли великое историческое прошлое, отразившееся в замечательных архитектурных памятниках, а иногда это были знаменитые на всю страну сады или большое новое строительство. Здесь Андрей не видел ничего выдающегося, и внимание его ни на чём не останавливалось. Несколько раз он сворачивал на другие улицы, и везде видел те же маленькие домики и бесконечный снег, снег, снег — на деревьях, на крышах, на заборах.

Уже почти стемнело, когда он наткнулся на дом с вывеской «Гостиница» и зашёл туда. Оказалось, что все места заняты прехаживающими на гастроли артистами областного драматического театра, и ему предложили на ночь дачу с маленьким тёмным коридором. Андрей оставил в гостинице свой чемодан и снова пошёл бродить по городу.

Во всем чувствовалось приближение праздника. Всё больше и больше попадалось прохожих со свертками, пакетиками и бутылками, торпоявившихся из магазинов к домашнему уюту; по мостовой на маленьких детских санках везли пушистые, чуть запорошенные снегом ёлки, у края освещённого подъезда городского Дома культуры какие-то девушки заставляли смеяться двух парней в форме ремесленного училища, и все так весело и заразительно смеялись при этом, что Андрею особенно обидной и нелепой показалась гулялая случайность, заставившая его бродить в

этот вечер одного по чужому, незнакомому городу. Он вспоминал старинную примету, по которой весь год должен пройти так же, как поговорила ночь: — хорошо или плохо, подумал о товарищах по институту, покусавшихся в работе в городе и на крупных постройках, и ему стало жалко себя, как было в детстве, когда мать по ошибке наказывала его за проказу, совершенную кем-нибудь из братьев. И будущее в занесённом снегом Скуратове и первая в жизни самостоятельная ответственная работа представлялись ему уже не такими заманчивыми, как несколько часов назад, когда он стоял у окна вагона и смотрел на убегающие вдаль верстовые столбы...

Чтобы скоротать время, Андрей зашёл в кино и провёл там два счёта под риз. Он вышел оттуда уже ночью. Стало теплее, падали редкие, лёгкие, как пух, снежинки. На улице было пустынно и необыкновенно тихо. Снег скрипел под ногами. Фонари бросали большие круглые пятна света, казавшиеся желтыми. И снежинки, попадавшие в эти круги, также казались желтыми. Андрей шёл медленно, прислушиваясь к долетавшей откуда-то из открытой форточки музыки, и думал о том, что вот сейчас во всей стране миллионы людей ждут двенадцать часов, чтобы поздравить своих близких и друзей с Новым годом и пожелать им нового счастья... Он вспомнил, что недалеко от гостиницы видел почтовое отделение. Вот и хорошо, он зайдёт и даст телеграмму матери, поздравит её с Новым годом.

От этой мысли у него стало как-то теплее на душе. К сестре матери — учительнице в Тамбове — он сдвинул в конце лета, после сдачи государственных экзаменов в институте, но на второй день после приезда упал с велосипеда, повредил раненой на вьюше ногу и несколько месяцев пролежал в больнице. Так и не пришло ему пожить с ней, когда поправился, нужно было сразу выезжать за документами в институт, а затем сюда, в Скуратово, на работу.

Когда Андрей пришёл на почту, было без четверти двенадцать. Работала только одна дежурная телеграфистка, а остальные — в отпуску, с занятиями кушарниками и смеющимися глазами. Она дала Андрею телеграфный бланк и торопила его с заполнением:

— Меня сейчас помянут, вы уж, пожалуйста, скорей...

Выписав ему квитанцию, она сейчас же куда-то убежала. Андрей пришёл на деревянном дворе у стены и задремал.

Ему казалось, что прошло много времени, а на самом деле всего лишь несколько минут,

когда кто-то с силой дёрнул его за рукав. Он открыл глаза. Перед ним стояла девушка-телеграфистка:

— Ну, проснитесь же, товарищ Мирнов, пожалуйста! — умялое и очень смешно, говорила она.

— Пронуслю. Что же дальше? — спросил Андрей. — И откуда вы знаете мою фамилию? — Вы же не назвали написали: «Поздравляю Новым годом. Вечером одною из улиц. Мирнова». Да некогда мне вам объяснять! — адрог воскликнула она, и тут её из умялое стало вдруг агрессивным. — Идите себе, а то опоздам.

— Куда идёшь? — не поняла Андрей.

— Господи, какой непонятливый! Да здесь же, во дворе. Я как рассказывала, что сейчас телеграмму принимаю и вы мне сидите тут одного, в чужом городе, отец меня разбил и прислал за вами... Да идёте же, а то я и из-за вас опоздаю!

Она была так настойчива, что Андрей не мог не подчиниться. Он покорно вышел за неё во двор, терзанный на голое светом, падавшим из окон. Ещё во дворе она начала торопить его спать палато.

— Веди и на минуточку опоздаю — обидна какая на весь год! — возмущалась она.

Андрей так и не успел ещё собраться с мыслями, когда девушка вела его в просторную светлую комнату, сперва показавшуюся Андрею тесной от большого количества людей, сидевших за длинным столом, уставленным пирогами, грибами, огурчиками и прочей домашней снедью. Первый, кого он разглядел, был его дневной знакомый — старик-железнодорожник. Он словно поволокло — был аккуратно выбрит, в нём новое, но хорошие геттикс костюм, с орденем «Знак почёта» и двумя медалями на груди. Рядом с ним сидела маленькая пухленькая старушка в очках, совсем юный лейтенант, дальше ещё несколько мужчин и женщин, молодых и пожилых.

Андрей растерянно стоял в дверях, но что то уже подводило ему ступ. Всё это было так неожиданно, что он никак не мог найти слова, которые необходимо было сказать.

— А-а, так это вы? Узнал, узнал, — обрадовался к нему старик. — Садитесь скорее. Знакомьтесь будем после. Через минутку — двенадцать. Прошу приготовиться.

Последние слова он произнёс громко и торжественно, как объявлял отправление поезда на вокзале. И в ответ на его слова заворчали большие старинные часы на стене, все встали с ромками в руках. Часы пробили медленно и звонко.

— С Новым годом, друзья! — сказала стоявшая в углу под пышной высокой ёлкой полковник, которого только сейчас разглядел Андрей. — За наш общий успех, за нашу Родину, за её вождя!

Андрей чокнулся со всеми, к кому смог дотронуться. Он боялся, что у него по щекам поточ слёзы от охватившего его чувства радости и счастья.

Рядом с ним сидела девушка-телеграфистка.

— Что же вы ничего не кушаете? — спросила она его. — Вы, может быть, стесняетесь, так это совсем не нужно. Здесь у нас только снов. А полковник — муж сестры моей Нюты. — с гордостью объяснила она. — Он Герой Советского Союза... Да вы кушайте, пожалуйста, а то опьянеете, если пить натощак.

Потом пили ещё за исполнение желаний, за присутствующих и отсутствующих, за всё, за что полагается пить а это noch.

— Ну, теперь будем знакомиться, — предложил Андрей старик, когда уже тот немного освоился и огаделся. — Я Тимофей Ильич Колесников, это моя жена — Мария Петровна, — он указал на сидевшую рядом с ним старушку. — А остальные — дети мои, зятя, невестки. Прошу любить и жаловать.

Андрей издалека объяснил, что он врач, только что окончивший медицинский институт и получивший назначение в скуратовскую больницу.

Я так и подумала, что вы нездешний, когда мы, Веруська сказала, что пришли давать телеграмму и уехали там на самолёте. А в такую юю одному быть горестно и нехорошо... Почему же так поздно вы институт-то кончили? У меня племянник Воздушную академию в этом году в Москве завершил и уж давно в части на Дальнем Востоке. Уже три письма получил.

Андрей рассказал о своей болезни.

— Вы и навоюетесь успели, а молоденький такой, совсем мальчик! — воскликнула Мария Петровна. — Я думала, вы ровесник моего Берке. Андрей же двадцать шесть лет, но он выглядел гораздо моложе, и это всегда его очень огорчало. Он боялся, что это помешает ему завоевать доверие и уважение пациентов...

Потом потушили лампочку и зажгли свечи на ёлке. Она была прекрасна, украшенная картонными медальками, рыбками, серебряными лентами и всей милот с детства ерундой, которой всегда украшают ёлки.

— Да, хоть и выросли деткиши, а всё мне без ёлки Новый год — не праздник, — сказала Мария Петровна. — И Тимофей Ильич ёлку, как зятя, любит. Сам а несёт скур.

— Ну, я ведь для тебя, — застенчиво старик. — Она ведь у нас мать-героиня, — пояснил он Андрею. — Знаменитая в городе женщина, в горсовете заседает. И дети — грех жаловаться. Только ещё младшая, Веруська, доктор не закончила. И то; на всемъ детей тринадцать, ни одного. Старший сын у меня — ордена наук. В Кремле докладывал дела. Не сомню суда на праздник приехать, пишет — не пускают...

— Ты лучше о себе расскажи, — перебила его Мария Петровна. — Сорок лет на железной дороге работает, его министр по имени отчеству

Было в этом рассказе не хваствоство, а законная и хорошая гордость людей, проживших большую и полезную жизнь. Андрею казалось, что он давно уже знаком со всеми присутствующими здесь. Всё ему нравилось: и то, что над Верой всё время подсмеивались молодой лейтенант, вероятно, её брат, и то, что полковника все называли не по имени, а просто «полковник», — в этом чувствовалось какое-то особое уважение, и та естественность, с которой все обращались к нему, Андрею, в сущности, совсем чужому человеку.

Кого-то Андрей спросил его, понравился ли ему город. Он такую сказал, что не вынес ещё определённого впечатления. Сказал неправду ему не хотелось, а то, о чём он думал, брало по ушам, представлялось чем-то обидным и для него самого и для этих милых, хороших людей...

Под утро, прощаясь с Андреем, старик назвал ему тысячу советов, как скорее и лучше добраться до Скуратова, и взял с него слово, что, когда он будет в городе, непременно придёт в гости.

Утром в гостиницу прибежала Вера. Он спал в коридоре на диване, спал, облокотившись на столтик.

— Прсымайтесь скорее, товарищ Мирнов! — как тогда на почте терзала она его за рукав. — У нас как раз минута идёт на Скуратово!

И когда он уже сидел в кабине и шёфёр включил скорость, она крикнула ему: — С Новым счастьем!

Он ехал по тем же улицам, по которым проходил вчера, и город, покрытый тёмной белой пеленой снега, казался ему необыкновенно красивым. И ехал он вперёд, а будущее, в новую жизнь.

В. Волков.

Вузовцы.

Первый дебют

Позади год напряженного, творческого и радостного труда советских людей. Это год великих достижений народного хозяйства, советской культуры и искусства, советской науки. Это был год творческих дерзаний наших ученых, людей искусства, литературы, техники. Это была вторая год послевоенной сталинской пятилетки, открывшей большие горизонты нашего завтра.

Тысячи и тысячи молодых людей нашей страны прославили в истекшем году свои имена. О них узнал народ. Им воздаёт он почести.

Мы рассказываем на страницах нашего журнала только о трёх молодых дебютираторах 1947 года из мира искусства и литературы. Но их успехи типичны для нашего сегодняшнего дня. Первый дебют — трагедия для новых, ещё более значительных успехов в наступающем году.

Борис ДОБРОНРАВОВ

Народный артист Союза ССР

ПОБЕДА ТАЛАНТА

Каждому, кто побывал на новом спектакле Московского Художественного театра имени Горького «Дни и ночи», непременно вспоминаются незабываемые дни боя за город-герой.

Вспоминаются те дни и ночи, когда героические защитники Сталинграда, не давая за каждый дом за каждый камень, стойко держали оборону, отстоявая тем самым на берегах Волги свободу и цивилизацию народа всего мира.

Капитан Сабуров, сын из воинов Советской Армии, воплощая в себе лучшие, драгоценнейшие качества советского патриота, бесстрашного бойца за мир и демократию против фашизма. Вот почему с таким воодушевлением зритель прислушивается к каждому слову актёра и с такой искренней, неподдельной симпатией воспринимает каждое его движение, жест, паузу.

Артист Макаров, исполняющий роль Сабурова, впервые в этом году появился на сцене Художественного театра. Судьба его — обычная судьба одарённого человека нашей страны, где подающиеся дарование, подлинный талант не могут не выйти на широкую дорогу искусства.

15 лет назад ученик 9-го класса Коалынской средней школы Василия Макарова, вместе с двумя своими товарищами пешком пришёл в Новосибирск. Его призывом туда объявление в газете: вновь организуемый Театр юного зрителя открыл приём в студию. Юноша попал в руки опытного педагога-организатора театра Н. Ф. Михайлова, углубившего в мальчишке из Коалынки неутолимый талант многогранного и яркого диалекса.

С каждым годом растёт и зреет дарование Макарова. Он играет Тёма Уланский, Дин-Кихота, Павлу Корчагина, Труффальдино в «Слуге двух господ», Фердинанда в «Коварстве и любви», но все эти кардинально различные роли до краёв насыщены стержнем темперамента актёра, мастерством перевоплощения, яркой и образной манерой исполнения.

За непродолжительный срок Макарова полюбил и узнали в Новосибирске. Но вот в 1939 году театр переезжает на гастроли в Москву. Молодой актёр с первого

же своего появления на сцене в роли Павла Корчагина в спектакле «Как закалялась сталь» сразу завоевывает расположение столичного зрителя. Макаров сумел создать прекрасный, чистый и цельный образ молодого человека Страны Советов, пламенного борца за коммунизм, ярко запомнившийся каждому, кто видел постановку.

Правительство высоко оценило творческие достижения молодого актёра: в 1945 году ему присваивается звание заслуженного артиста РСФСР. Осенью прошлого года Макаров получил приглашение вступить в труппу Московского Художественного театра имени М. Горького.

Если меня спросит, что является отличительной чертой исполнения Макаровым роли советского офицера, я отвечу: предельная простота, искренность, правдивость, покорившие с первого взгляда. Сабуров в исполнении Макарова — прежде всего отважный воин, воплощающий в своём лице героических защитников Сталинграда.

Он обильно прост в обращении, забывая ка окружающим, чуть-чуть застенчив в своих отношениях с любимой и девушкой и в то же время непоколебимо

Артист В. Макаров в роли капитана Сабурова.

твёрд и отважен в бою, как может быть твёрд и отважен советский офицер. Он такой, каким мы знаем и любим Сабурова, созданный писателем К. Симоновым: он носитель лучших человеческих идеалов, он олицетворяет безграничную храбрость и преданность Родине.

Дебют Василия Макарова на сцене Художественного театра — это победа таланта молодого советского актёра.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

Когда около года назад в журнале «Новый мир» появился поэма Алексея Недогонова «Флаг над сельсоветом», она сразу обратила на себя внимание широких кругов читателей. Это было первое после войны значительное поэтическое по-

вестование о возвращении советского поэта к мирному, созидательному труду. Ценность поэмы ещё и в том, что в ней правдиво и ярко показан послевоенный колхоз. Успех поэмы был бесспорным. В её оценке сошлись и читатели, и критики.

4

Спортивный 1947 год позади. Это был год больших соревнований, успешных выступлений советских спортсменов за рубежом, славный год нашего движения вперед.

ЦИФРЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Общезвестно, что физкультура в СССР стала достоянием всего народа. Советская молодежь любит спорт. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры. За год армия советских физкультурников увеличилась на миллион человек. Только в городах и селах Российской Федерации в течение десяти месяцев 1947 года состояло свыше 50 тысяч различных соревнований. В массовых кроссах и других соревнованиях, проведенных во всех уголках страны, участвовало, по неполным данным, более 22 миллиона человек. Важно отметить и улучшение качества подготовки спортсменов. Об этом говорит тот факт, что число спортсменов-резидентов в Швейцарии и Норвегии, москвичи провели три встречи и забияки в ворота противника 17 мячей, пропустили в свои ворота два. Не менее успешно выступали за рубежом шахматисты, гимнасты, волейболисты, боксеры.

О ГЕОГРАФИИ

Те, кто посещает соревнования, бывает на стадионах, в зимних залах, на катках и водных станциях, знают, сколько интересных, захватывающих соревнований в прошедшем году было в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси и многих других городах.

В Саратове состоялся соревнование на первенство страны по гольфам. Местом встреч служила центральная площадь города. И не удивительно, что гольфистов все время окружало плодотворное кольцо зрителей.

В городе Грозном проходили всевозможные волеболевые соревнования. С давних времен славится своим велосипедным треком городские спортсмены — Тула. В минувшем году оспаривали звание сильнейших наши мастера езды на велосидах. Туляки приехавшие целыми семьями «пообедать» за своих любимцев. Тут, на тульском треке, заставил заговорить о себе молодой спортсмен Федил, опередивший многих приехавших мастеров.

И так в каждом городе: всюду клочок была спортивная жизнь. Спортсмены выступали и в таких городах, которых раньше вообще не было на карте. Так, например, запольный Кировск стал местом всевозможных городишских состязаний.

НА СТАДИОНАХ ЕВРОПЫ

1947 год принёс ряд крупных побед советскому спорту на международных состязаниях. Достаточно сказать, что в соревнованиях на первенство Европы по штанге наши тяжелоатлеты заняли пять первых мест из шести возможных. Советские борцы Иоганн Коткав, Константин Коберев и Николай Белов завоевали звание чемпионов Европы по греко-римской борьбе. Чемпионами Европы стали также советские баскетболисты, продемонстрировавшие высокий класс игры. Высоко повесили советское спортивное знамя на полях волейболисты и гимнасты на Международном фестивале молодежи в Праге.

Фото В. Кудрякова

С. АНИСИМОВ — заслуженный мастер спорта

СПОРТИВНЫЙ СЕЗОН

Связки у всех в памяти блестящие выступления футболистов московского «Динамо» в Швейцарии и Норвегии; москвичи провели три встречи и забияки в ворота противника 17 мячей, пропустили в свои ворота два. Не менее успешно выступали за рубежом шахматисты, гимнасты, волейболисты, боксеры.

НОВЫЕ РЕКОРДЫ

Самые духот рекордов установлен в минувшем году по легкой атлетике, плаванию, велосипеду, конькам, тяжелой атлетике, стрельбе, мотоциклу и водомоторному спорту.

Среди лучших представителей советского спорта, рекордсменов и чемпионов страны 1947 года награждены золотым медалью.

В числе их нужно назвать прежде всего такого блестящего мастера, как тяжелоатлет москвич Григорий Новак, установивший в 1947 году десять новых рекордов страны, из них восемь — новые официальные мировых рекордов. Его собор по «спортивному оружию» киевлянин Куко Кученко также добился крупного спортивного успеха, выжав колоссальный вес в 174,5 килограмма. Двадцатичетырехлетний студент Тартуского университета Хейно Липп толкнул ядро на 16 метров 73 сантиметра — это выдающийся результат. Лучшее время в минувшем сезоне в беге на 500 метров показал конькобежец Константин Кудрявцев.

Соревнования по десятиборью, в которые входят бег на 100, 400 и 1500 метров, бег на 110 метров с барьерами, прыжки с шестом, в длину и высоту, метание диска, копья и толкание ядра, требуют от спортсмена особой вы-

держки, высоких волевых качеств, исключительной разнонаправленности, изыскательной и хорошо продуманной тренировки. Тем более значительна победа офицера Волкова, сумевшего набрать свыше семи тысяч очков. Поистине феноменальных рекордов добились в 1947 году советские легкоатлеты Клавдия Мачука, бросившая копьё на 50 метров 32 сантиметра, что на три метра превышает официальный мировой рекорд, и Александра Чудина, побившая мировой рекорд в пятиборье.

КАЛЕНДАРЬ 1948 ГОДА

По установившейся хорошей традиции, календарь соревнований нового года откроется профсоюзно-комсомольским лыжными кроссами. Наряду с мохидеями Российской Федерации, Украины и Белорусии в этом популярном соревновании примет участие молодежь Грузии, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и республик Прибалтики. Границы распространения лыжного спорта значительно продвинулись к югу, где в горных районах имеются большие возможности для развития этого прекрасного вида спорта.

Впервые по инициативе комсомольских организаций в этом году будут проведены массовые профсоюзно-комсомольские соревнования по конькам в начале и в конце зимнего сезона. Спортсменско-комсомольцев у нас еще мало. Задача этих соревнований — привлечь в занятия конькобежным спортом миллионы молодых людей.

Свыше 3 тысяч лучших лыжников и конькобежцев городов, областей и автономных республик

Российской Федерации, пройдя отборочные соревнования на местах, примут участие в зимней спартакиаде РСФСР. Эта спартакиада будет крупнейшим событием зимнего сезона.

Основной и наиболее характерной особенностью плана спортивных соревнований 1948 года является широкое участие в них спортивных обществ зимой и летом, после окончания атра на первенство городов и областей будут проведены зимние и летние спартакиады 45 добровольных обществ профсоюзного.

Летом намечается юбилейная спартакиада, посвященная 25-летию общества «Динамо».

Большой размах примут в текущем году спортивные соревнования в Советской Армии, в рядах которой воспитываются многие отличные спортсмены — чемпионы и рекордсмены страны.

Сборные команды, составленные из лучших спортсменов профсоюзных, Вооруженных сил, «Динамо», «Спартак» и «Трудовых резервов», примут участие в розыгрыше Первенства Советского Союза по лыжам, конькам, легкой атлетике, плаванию, гимнастике, борьбе, тяжелой атлетике, фехтованию и другим видам спорта.

Небывалая даже для масштабов нашей страны массовость соревнований, которые будут предшествовать розыгрышам первенств Советского Союза, велит предполагать, в то, что в этих соревнованиях выйдут тысячи новых молодых спортивных дарований.

Во всевозможных соревнованиях 1947 года приняло участие около 25 тысяч спортсменов, в соревнованиях же 1948 года ожидается около 100 тысяч участников.

В начале 1948 года большое внимание уделяется развитию спорта среди студентов. Помимо спартакиад и первенств, которые проводятся в вузах между курсами факультетов, будут проводиться также зимние и летние студенческие спартакиады учебных заведений министерств просвещения, высшего образования, здравоохранения, путей сообщения и других.

Значительное место в календаре отводится спортивным соревнованиям школьников. Лучшие спортсмены-школьники будут участвовать в спартакиадах городов, республик и во всевозможной спартакиаде школьников, которую намечено провести в августе в Ленинграде.

Массовые, ставшие традиционными соревнования по лыжам и конькобежному спорту, ИТЭС завершатся всевозможными соревнованиями сельских лыжников в городе Горьком.

Летом будут проведены соревнования для сельской молодежи по легкой атлетике, плаванию, велосипедному спорту, баскетболу, футболу, волейболу, поднятию тяжестей в других видах спорта.

Большой интерес должен вызвать всевозможные конкурсы слетов, в которых будут соревноваться в поднятии тяжестей физкультурники колхозов.

Значительное число молодых дарований и талантливых спортсменов, которые заставили заговорить о себе в минувшем году, те большие резервы, которые имеются в рядах юной молодежи, обещают в наступающем году значительное обновление состава чемпионов и рекордсменов страны и острую борьбу молодежи с их старшими товарищами по спортивному оружию.

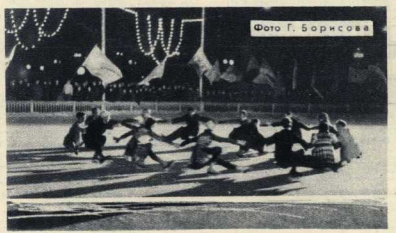

Фото Г. Борикова

КОНКУРС НА КОРОТКИЙ РАССКАЗ

В ЖУРНАЛЕ «СМЕНА»

В соответствии с решением ЦК ВЛКСМ редакция литературно-художественного и общественно-политического журнала «Смена» объявляет с 1 февраля 1948 года по 1 июля 1948 года открытый литературный конкурс на лучший короткий рассказ.

Авторы, принимающие участие в конкурсе, вправе выбрать для своего произведения любую тему. Однако редакция заинтересована в том, чтобы на конкурс были представлены рассказы, трактующие наиболее актуальные для молодежи темы: участие советской молодежи в выполнении послевоенного пятилетнего плана, борьба юношей и девушек за коммунистическую мораль и этику, воспитание нового, социалистического человека, темы о Советской Армии, вопросы семьи, дружбы, любви, жизни советского студенчества, школ и ремесленных училищ, спорт и т. п.

Рассказы должны отвечать следующим основным требованиям: а) актуальность темы, б) занимательность и острота сюжета, в) точность и выразительность языка.

Прём рукописей на конкурс прекращается 1 июня 1948 года.

Рукописи должны быть представлены на русском языке размером не более 10—12 страниц, напечатанных на машинке.

За лучшие рассказы, отобранные жюри конкурса, установлены следующие премии:

первая премия — 10 тысяч рублей,
две вторых премии — по 7 тысяч рублей,
три третьих премии — по 4 тысячи рублей.

Кроме того премированные, а также одобренные к печати в журнале «Смена» рукописи будут оплачены повышенным гонораром.

Жюри конкурса — редакция журнала «Смена»: гг. Н. Асеев, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, М. Котов, Г. Кулиш, В. Лидин, Б. Полевой, А. Суров — председатель жюри.

Рукописи следует направлять в адрес журнала «Смена» (Москва, ул. «Правды», д. № 24) с пометкой на конверте: «На конкурс».

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

СМЕНА

В номере:

Михаил Львов — Слово молодости.

Николай Асеев — Наше время. Их поздравил Сталин.

Важные задачи вузовского комсомола.

Борис Полевой — Ночь под рождество.

Москвичи — фотоочерк.

Андрей Досталь — Новый год. С. Воскресенко — Рассказ про Филимона Лебеду.

Лев Галахов — С новым счастьем.

Первый дебют:

Павел Антокольский — Алексей Недогонов. Борис Доборин — Повесть — Победа таланта. Г. А. Недошвин — Михаил Хмелько.

С. Аксельрод — Спортивный сезон.

На первой странице обложки: фотозд. Г. Борисова.

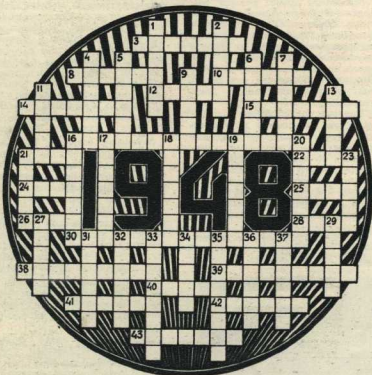
На четвертой странице обложки: фото Г. Александрова.

Оформление номера художника В. Урина.

КРОССВОРД

Составил О. Золотухин

По вертикали:

1. Встретение. 2. Пора жизни. 4. Металлообработка. 5. Условный знак. 6. Бергетовый лес, заливаемый в половодье. 7. Принадлежность спорта. 8. Старинный музыкальный инструмент. 11. Советский писатель. 12. Беглый набросок. 14. Народный артист Союза ССР. 17. Тип парохода. 18. Подъёмная дуга. 19. Русский архитектор. 20. Часть пьесы. 21. Вид энергии. 22. Старинный предмет художественной работы. 27. Установившийся порядок. 29. Продукт сельского хозяйства. 31. Радость. 32. Герой гражданской войны. 33. Основное вещество ядра животного и растительной клетки. 34. Часть рычага. 35. Состав совместно выступающих певцов и музыкантов. 36. Знаменитый крейсер. 37. Знаменитый забойщик.

По горизонтали:

2. Ролина. 3. Выделанная овечьей шкура. 10. Факел. 12. Почва. 14. Русский шахматист. 15. Музыкант. 16. Обобщение. 21. Рычаг для поднятия тяжестей. 22. Правительственное разрешение на выезд или въезд. 24. Движущая сила. 25. Путь. 26. Художник, написавший «Оборону Севастополя». 28. Название июня в древней Руси. 30. Передвижение по воздуху. 32. Советский писатель. 33. Рукоятка серпа. 34. Мысленный образ, предмет стремлений. 41. Крупа из неразработанных зёрен. 42. Вождь греческих партизан. 43. Оптический прибор.

Редакционная коллегия: А. Суров (редактор), Н. Асеев, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Кулиш, В. Лидин, Б. Полевой.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. А.—00931. Подписано к печати 9/1—48 г. Завказ № 3678. Тираж 60.000. Изд. № 6.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды» 24.

Цена номера 2 руб.

